

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО
"ЯКУТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ"

А. Г. ПУДОВ

ЭСТЕТИКА СИМВОЛИЧЕСКОГО В ЭПОХУ ТРАНЗИТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Якутск
2014

УДК 165.212
ББК 87.22

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор
Новиков Анатолий Георгиевич,
доктор философских наук, профессор
Делокаров Кадырбеч Хаджумарович

В оформлении обложки использованы работы
Леонардо да Винчи, Андрея Рублева,
якутских графиков: В.Р. Васильева, М.Г. Старостина,
Л.А. Владимировой и фотографии автора.

Пудов А.Г.

П88 Эстетика символического в эпоху транзитивной со-
циальной реальности / А.Г. Пудов. Якутск: РИО медиа-
холдинга, 2014. – 336 с.
Агентство СІР НБР Саха
ISBN 978-5-471-00572-3

Понятие символа за последние десятилетия обрело существенную инструментальную важность в теории познания, теории культуры и искусства. Обретает оно фундаментальное культурное значение, определяя онтологические перспективы феномена сознания. Ресимволизация как ревитализация жизни сознания – таков главный акцент монографии, сконцентрированной на потенциальных возможностях изменения социальной реальности, которая транзитивна и вбирает явления глобализации, массовой культуры, культуры этнической и универсальной метафизической. Раскрывается актуальность символической онтологизации сознания в процессе этнокультурной модернизации, выстроенной на трансмиграции символических смыслов, синтезе символов сознания разных типов кодирования, определяющих новую социальную реальность.

Книга рассчитана на философов, культурологов, искусствоведов, историков и всех, кто интересуется философией.

УДК 165.212
ББК 87.22

ISBN 978-5-471-00572-3

© А.Г. Пудов, 2014
© ФГБОУ ВПО "Якутская ГСХА", 2014
© Оформление. РИО медиа-холдинга, 2014

*Посвящаю книгу моим родителям —
Григорию Григорьевичу и Тамаре Пантелеймоновне,
моим дедам, которых рано забрало суровое время,
а также моим бабушкам,
вынесшим все невзгоды жизни,
и у которых в детстве мы часто проводили лето*

ВВЕДЕНИЕ

Исследование поначалу походит на отважные порывы по изобретению ментальных замков, сооружение которых воодушевляющее занятие. Потом наступает скука от того, что само строительство, похоже, не дарит полного удовлетворения. Значит, не оно было главной причиной. Обращаясь к философии, мы узнаем о бытии, как недостающей человеку полноты, без которой ему неуютно; не всем, но может случиться, что кому-то станет без нее невыносимо. На помощь может придти рефлексия. Мы начинаем рефлексировать и в остатке получаем кристаллики бытия, к которым и был направлен весь наш жизненный пафос всегда оставаться живым.

В последнее десятилетие этносы и нации, проживающие на территории России и СНГ, испытывают онтологическое желание развиваться. На примере конкретных и неординарных культурных явлений можно установить соразмерность последних с внутренними потребностями, таким образом осовремениться. Специалисты сетуют на то, что в условиях глобально-го идейного вакуума западная модель уже не может быть единственным образцом развития. Каждое сообщество само должно решать, какой способ модернизации станет для них органичнее.

С другой стороны, существует "болезнь модернизации", продиктованная техницистским оптимизмом. Российские модернизации, начиная с петровских времен, словом и внешним усилием разгоняли страну, оставляя субъекта данных модернизаций в старом хронотопе жизни сознания. Такой экстенсивный способ в долгосрочной перспективе утрачивает органический элемент континуальных изменений общества, как указанного субъекта модернизации, превращая проект осовременивания в демодернизационный или контрмодернизационный проект.

Возникает ряд вопросов. Что считать главными факторами успешной и законченной модернизации, под которыми следует понимать изменение законов, кодирующих социальную реальность? Привычным становится ответ, что это должна быть инновационная экономика, основанная на НБИК (нано-био-информационно когнитивных технологиях). Но в цепочке перечисления подобных факторов обязательно будет стоять человек. Поэтому существует настоятельная необходимость обратить внимание на внутреннюю сторону модернизации – ее субъекта. Что происходит с человеком? К тому же, если этот человек еще традиционен и его социальное окружение неразрывно связано с традиционными промыслами, национальными традициями и обычаями, сельскохозяйственным укладом. Например, у этносов Северо-Восточной части России имеет место особый культурный топос, особый провинциальный менталитет, и культура модерна имеет к ним опосредованное отношение. Несмотря на это, на региональном уровне складывается не столько внешнее желание модернизироваться, инициированное национальной элитой или властной номенклатурой, но и внутренняя мотивация к проявлению усилия реализоваться в еще не сбывшейся форме национального самобытия, где осознанно проигралась до выявления полного смысла формы самоопределения социального устройства, способы эффективного приложения производительных сил региона. В связи с этим, модернизация этнической культуры северян и соответственное изменение социальной реальности приводят к решению следующих задач:

- разрешить проблему отсутствия ценностной установки удержания личным усилием культурных форм и законов;
- сформировать возможность общества быть на уровне символов сознательной жизни, причем как этнических, выявление которых также составляет важную задачу, так и универсальных, метафизических;
- показать способы использования этносимволического опыта и результаты различных способов социально полезной адаптации этнического символического спектра;
- указать возможность сопряжения этносимволизма с метафизическим символическим спектром и способами его утилизации;
- раскрыть возможности модернизации этнокультуры на уровне символической онтологизации сознания;
- показать важность выработки артикулированных форм этнокультуры, свободных от недостатков мифологического способа концепирования на основе символической онтологизации сознания.

Трудно услышать на Западе призывы к какой-либо социальной или культурной модернизации. Термин привязан к устоявшейся научной традиции теории модернизации и теории незападных постколониальных, посттоталитарных стран с "догоняющей экономикой", что, когда говорят о ней, то, скорее, подразумевают все аграрные страны Африки, Азии, Восточной Европы, Россию и СНГ. Если данный термин распространяется на развитые страны Запада, то имеет узкий отраслевой технико-технологический контекст внедрения нового оборудования и технологий. Социально-политический и культурный аспект переноса модернизации на страны Запада, как правило, не распространяется. Под "модернизацией" как термином было задним числом отрефлексировано учеными состояние продолжительных по времени (XVII начало XX века) социокультурных изменений, произошедших в Западной Европе.

Только начав делать первый шаг, представители национальной интеллигенции оказались перед неразрешимыми проблемами. Мы и сегодня продолжаем мучиться не проделанным, находясь в той же самой точке бытия, что и первые образованные представители национальной интеллигенции. Мы снова заносим ногу и делаем шаг, определяя формы и рождая новые законы. Снова, как в начале XX столетия, могут возникнуть и возникают непредумышленные иллюзии осовремениться всем вместе, сообщая, в общем "революционном" порыве с опорой на современные высокие технологии. Философы об этом предупреждали. В действительности это возможно только индивидуально, только личным усилием.

На просторах бывшего СССР для этносов с незавершенной модернизацией, мифологически структурированной социальной реальностью, остается нерешенной такая проблема конца XIX - начала XX века, как проблема "внутреннего человека", который на свой страх и риск может "держат законы". Нам кажется, что выкошенный слой образованной национальной интеллигенции решал эту задачу, питаемый "пассионарной страстью", которая помогала им держать все в конституированных советским правительством законодательных формах. Сегодня мы сопрягаемся с тем, что было формой заложено и проигрываем первыми национальными интеллигентами. Сегодня мы всё в той же исторической точке и никуда не сместились в онтологическом пространстве. Путь, проделанный советской национальной интеллигенцией, был далек от культурных форм самобытия этноса, от форм самостоятельных "национальных изобретений". Пространство несамостоятельного существования в мире стало реальностью для многих этнических культур бывшего СССР, и, в связи с этим, не спосо-

бствовало возникновению атмосферы роста традиции гражданской жизни.

Осуществить сегодня грандиозные планы по строительству "циркумпольной цивилизации" это ведь очень легко превращается в миф, если изначально уже не является мифом. Но, складывая как кубики конструкцию этого социально-политического конструкта, мы в действительности говорим об изобретении каких-то форм, которые были бы способны возвращать многим (не знаем, сколько их нужно) сознательные возможности для проявления усилия в социальном плане – быть на уровне символического сознания.

Может быть, в будущем возникнет определенное направление в культуре, которое не в качестве исторически стихийного явления будет функционировать в специальных религиозно-философских системах восточной или европейской эпистемологии, а будет культивироваться на уровне трансляций в массовом порядке? Потому что без этого отталкивающегося от знака движения, десимволизация будет захватывать человеческое сознание и не столько поработать в своем сознательном бездействии, но и творить социальный и духовный хаос, подобный тому, который испытывают те культурные регионы, в которых жизнь сознания была нарушена, подмята или может быть, вообще не существовала.

Актуальность темы нашей работы возникает в той мере, в какой возможно дать не единственный ориентир, помогающий найти выход в духовном хаосе современной жизни. Религиозные движения в силу своей внешней церковной конститутивности могут с этим не справиться, а притяжение к своим этническим культурным традициям подвержено примитивным моделям мифологизации, что также может отвлечь от жизни сознания. Зафиксировав лучшие образцы жизни, которые отвечают императивам и вызовам современности, дать им возможность занять социальную нишу и включить в механизм трансляции культуры – таким мы видим суть внутренних изменений транзитивной социальной реальности.

Без этого мы оказываемся в потоке бессмысленных знаков, слов, понятий, терминов, где символ смерти обозначен не более чем что-то невозможное. Тогда фундаментальные знаки и символы как смысл жизни, смерть, оказываются за горизонтом культурной жизни, не осмысливаются как реально происходящие с нами, а с кем-то, кто на Северном Кавказе, кто в московском метро – мифологическом пространстве, выстроенном СМИ и политехнологами.

Все меньше в нашем окружении оказывается возможностей для выпадения в определенные состояния сознания. Раз-

ве что детство оставляет нам какие-то, у каждого свои, ментальные знаки о том, что нечто "интригующее" для сознания произошло. А в окружающей жизни нет ничего, что могло бы разбудить ото сна в знаковых структурах нашей психики, замученной идеологиями, социальными и научными мифами. Поэтому наше призвание, имеющих какое-то отношение к философии, совершить маленькую "архаизацию культуры", возвращая знание о том, что произошло в нашем уже далеком "детстве".

Если посмотреть на наше обыденное сознание с точки зрения использованных метатеоретических построений Мамардашвили-Пятигорского, то оно окажется на поверку настолько сбивчивым, невнятным и неграмотным, что одновременно ценность факта введения подобных метатеоретических или каких-либо других рассуждений о нашем мышлении обретает насущную важность. Важность и ценность с точки зрения нашего не распадается как сознательного существа, которое без подобных установлений и контроля со стороны сознания, сознанием терялось бы, и мы бы чувствовали неосознанно нашу слабость и ущербность как сознающих существ.

В работе со столь ускользающим понятием как сознание возникает много нюансов, в том числе проявляющих себя на уровне его бытия. Выражается это в свойстве превращения текста данной работы в образчик культурной функциональности формализации, превращающей нечто очень подвижное и живое, в малосодержательное, если вообще содержательное, в объект с вполне удовлетворительными субъектно-объектными связями, логической и содержательной структурой, что, как мы покажем далее, этим не является. Поэтому многие варианты подхода к символической онтологизации, где онтологизирующий элемент есть собственно сознание, должны учитывать фактор архаизации культуры, то есть постоянного восстановления себя на уровне попытки заглянуть в состояние своего сознания, попытке оказаться, хоть на небольшую долю, понимающим относительно изучаемого символа и символического пространства.

Старые, по сути, архаизирующие механизмы символической онтологизации, позволяют вместе с тем осуществить осовременивание культуры, ее модернизацию. Подобное удалось осуществить древним грекам. Став на уровне символического сознания, демифологизировав свой язык, сделав его артикулированным инструментом производства законных конструктов, они создали почву и атмосферу для порождения форм, отличных от наших психических пафосов: желаний, побуждений, страстей и этнических ментальных комплексов. Та-

кой формой, например, стал "гражданин". Возникает вопрос: Какими аутентичными собственными формами будет развиваться культура северян?

Другими обобщающими фразами нашу задачу можно сформулировать так: постараться показать обществу – как мыслить грамотно. Как лучше это сделать? Напрашивается следующая методическая последовательность:

- как мыслить содержательно и предметно о сознательных явлениях, что мешает нам понять их природу, какие когнитивные механизмы функциональны в разных парадигмах кодирования социальной реальности;

- как "наполнить" реальным смыслом понятийный ряд, возникший на Западе, при осмыслении реальных трансформаций, происходящих с народами Севера;

- как выявить переход от одной социально-значимой философской проблемы к другой методически ориентированной задаче научиться грамотно мыслить.

В нашей работе, таким образом, мы остановимся на проблеме утраты грамотного мышления через призму механизма мышления и сознания, воспроизводства истины. Находясь в философском символе (когитальном акте, акте трансцендентальной апперцепции) "Я мыслю", в когитальном непрерывном сознании, которое связывает все эмпирические явления, рождается самозаконное, а значит, истинное знание. Мы начинаем мыслить по истине, а это условие жизненно необходимо, когда за нас в современном мире пытаются "мыслить" политика, маркетинг, СМИ.

В этом желании воспроизводить мысль на своих собственных основаниях мы обращаемся к исторически сложившемуся "практическому инструментарию", позволяющему осуществить задуманное. Дело касается символической жизни нашего сознания, единственному способу доступности обозначения (символизации) определенных состояний сознания, требующих не столько вероятного обращения их в знаки, далее не имеющих за ними никаких оснований, кроме конвенциональной условности, но сколько воспроизведения фундаментальной онтологической основы, стоящей за рассматриваемыми, в таком ракурсе, символами бытия.

Реализованное в философских исследованиях свойства символа включает:

- 1) бесконечность рядоположенных смыслов в процессе интерпретации символа, что раскрывается незавершенным в символе бытия, и требующем, таким образом, его завершения;

2) незавершенность мысли, следуемая из незавершенности бытия, позволяет символу устанавливать сообщенность, коммуникацию субъектов, находящихся в конструктивном поле определенного символа;

3) способность символа к саморедуцированию, то есть сведению его из состояния первичной символизации состояния или содержательности сознания к идеологической подмене в форме более наглядных не столько для умозрения, а для чувств образности, в которой данный символ может быть представлен;

4) возможность совершения обратного восхождения по отношению к редуцированию символа сознания; восстановлению исконных смыслов, приобщение к "первичному символизму".